

На правах рукописи

Южанинова Екатерина Рафаэлевна

**ЦЕННОСТНЫЕ И РАЦИОНАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
КОМПОНЕНТЫ В МИРОВОЗЗРЕНИИ М. А. БУЛГАКОВА**

Специальность 09. 00. 03 - история философии

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Екатеринбург - 2008

Работа выполнена на кафедре социальной философии Оренбургского государственного университета

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор Павел Александрович Горохов

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор Даниил Валентинович Пивоваров;

доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор

Сергей Леонович Слободнюк.

Ведущая организация: ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы»

Защита состоится «_____» _____ 2008 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212. 286. 02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Уральском государственном университете им. А. М. Горького по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51 комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Автореферат разослан «___» _____ 2008 года

Ученый секретарь диссертационного
совета, доктор философских наук,
профессор

В. В. Ким

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования может быть обоснована следующими аргументами.

1. Ценностные и рационально-теоретические компоненты в мировоззрении М. А. Булгакова (1891 – 1940) не становились ранее предметом специального научного исследования именно как философские основания мировоззрения этого талантливой и самобытного писателя. Сама его фигура обычно не упоминается в ряду отечественных философов, хотя он по силе своего влияния на современное любомудрие заслуживает самого пристального изучения. Ведь оригинальный, далекий от академических канонов склад ума, поглощенность конечными вопросами бытия роднят М. А. Булгакова с Д. Мережковским, Л. Шестовым, Н. Бердяевым, В. Розановым, В. Ивановым и другими русскими философами. Духовный капитал, оставленный нам Михаилом Булгаковым в его произведениях, еще не получил в отечественной истории философии надлежащей оценки.

2. Исследование философских оснований мировоззрения М. А. Булгакова может представлять интерес в теоретическом плане. Сегодня особо актуален вопрос о возможностях формирования нового типа мышления, свободного от догм и стереотипов. Именно такими и представляются философские воззрения М. А. Булгакова. Каждая жизнь есть точка зрения на Вселенную. Думается, что «точка зрения» Михаила Булгакова будет небезынтесной и небесполезной в наших сумбурных поисках должного пути на трудных перекрестках отечественной истории.

Художественный мир М. А. Булгакова многие исследователи называли «странным», ибо мир этот существует на грани реального и ирреального, трагического и комического, высокого и низкого. Булгакову была свойственна необычайная художественная прозорливость, которая позволила ему проникнуть в глубинную и непреходящую суть человеческих страстей и конфликтов. Именно эта прозорливость, свойственная гению, выводит М. А. Булгакова и его творения за рамки его эпохи, сообщая им общечеловеческий, подлинно философский смысл. В своих произведениях писатель выступает как философ-антрополог, изучающий созданных им героев в «пограничных ситуациях», на пределе их экзистенции. Недаром сам писатель говорил: «Мы должны оценить человека во всей совокупности его существа, человека как человека, даже если он грешен, несимпатичен, озлоблен или заносчив. Нужно искать сердцевину, самое глубокое средоточие человеческого в этом человеке»¹. Это стремление к «восстановлению погибшего человека», продолжающее лучшие традиции Ф. М. Достоевского, является подлинно философским.

3. Исследование философских воззрений М. А. Булгакова актуально в социальном плане. Некогда А. Ф. Лосев в своей ранней работе «Русская философия» назвал характерную черту русского философствования – «апокалиптическую напряженность». Эта напряженность присутствует и на страни-

---

¹ Булгаков М. А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 8. Жизнеописание в документах. М., 2002. С. 281.

цах творений Михаила Булгакова – глубоких по содержанию и блистательных по форме. Особый интерес к творчеству писателя обусловлен тем, что он осмыслил трагизм человеческого бытия, тенденции общественного развития, угрожающие духовности человека и общества. Его творчество, пронизанное тревогой за будущее человека, за возможность сохранения им духовной целостности в эпоху социальных потрясений, созвучно сегодняшней ситуации в нашей стране.

Эпоха, переживаемая ныне Россией, побуждает отечественных интеллектуалов и, прежде всего, философов искать ответы на «вечные вопросы» в первую очередь в великой русской литературе. Как справедливо отмечал А. Ф. Лосев, «художественная литература является кладезем самобытной русской философии. В прозаических произведениях Жуковского и Гоголя, в творениях Тютчева, Фета, Льва Толстого, Достоевского, Максима Горького часто разрабатываются основные философские проблемы в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме. И эти проблемы разрешаются здесь таким образом, что непредубежденный и сведущий судья назовет эти решения не просто «литературными» или «художественными», но и философскими и гениальными»². Слияние философии и художественной литературы является одним из показателей самобытности отечественной культуры, ее оригинальности и неповторимости.

Степень разработанности проблемы.

Исследование, посвящённое философским основаниям мировоззрения М. А. Булгакова, будет правомерно, ибо о нем как о философе и мыслителе почти нет исследований не только в России, но и в мире. Свои философские взгляды М. А. Булгаков никогда не стремился выразить системно. В его творчестве философские проблемы ставятся и звучат в краткой, порой афористической форме; они перебрасываются на сюжетные коллизии, разыгрываются в сценах и эпизодах его произведений. Почти невозможно найти у него привычную для философии терминологию. Но Лев Шестов недаром писал: «Собственно же философия должна начинаться там, где возникают вопросы о месте и назначении человека в мире, о его правах и роли во вселенной»³. Но именно эти философские проблемы и лежат в основании всего творчества М. А. Булгакова!

При написании диссертационного исследования автор опирался на определенный методологический базис историко-философских исследований, содержащийся в трудах В. Ф. Асмуса, А. Б. Баллаева, М. М. Бахтина, И. Ф. Бэлзы, Г. Н. Волкова, А. В. Гайды, П. П. Гайдено, П. А. Горохова, М. Н. Громова, А. В. Гулыги, Б. В. Емельянова, Ю. Г. Ершова, В. Н. Железняк, В. А. Жучкова, В. Т. Звиревича, А. Ф. Зотова, О. Б. Ионайтис, В. А. Кайдалова, Л. Н. Когана, А. В. Лукьянова, К. Н. Любутина, Л. А. Микешиной, Ю. И. Мирошникова, Н. В. Мотрошиловой, Т. И. Ойзермана, А. В. Перцева, Д. В. Пивоварова, В. М. Русакова, Ю. К. Саранчина, К. А. Свасьяна, С. Л. Слободню-

² Лосев А. Ф. Русская философия // Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М., 1990. С. 74.

³ Шестов Л. И. Избранные сочинения. М., 1993. С. 88.

ка, В. В. Соколова, Э. Ю. Соловьева, В. Г. Федотовой, Д. М. Федяева, А. Н. Чанышева, Е. С. Черепановой, В. Д. Шмелева.

Философские взгляды М. А. Булгакова рассматривались, в той или иной мере, в работах П. Абрагама, А. Н. Баркова, И. Белобровцевой, А. Вулиса, Б. Гаспарова, П. А. Горохова, А. Зеркалова, Л. Г. Ионина, Л. Ф. Киселевой, Л. Н. Когана, А. Кораблева, О. Костанди, С. Кульюс, М. Микулашека, Л. А. Левиной, В. И. Сахарова, Б. В. Соколова, В. В. Химич. Рассмотрению фигуры Булгакова-мыслителя были посвящены диссертационные работы Ю. В. Кузнецовой⁴, В. Б. Петрова⁵, Е. Г. Сидоровой⁶, Е. В. Уховой⁷. Но целостного историко-философского исследования философских взглядов М. А. Булгакова в отечественной литературе не было.

В качестве **объекта диссертационного исследования** у нас выступает творческое наследие Михаила Афанасьевича Булгакова, великого русского писателя и талантливомго мыслителя.

Предмет исследования – ценностные и рационально-теоретические компоненты в мировоззрении М. А. Булгакова, рассматриваемые сквозь призму творческой деятельности писателя как его философские основания.

Цели и задачи исследования.

Цель нашего исследования мы видим в том, чтобы на основе анализа литературного наследия М. А. Булгакова концептуально реконструировать ценностные и рационально-теоретические компоненты мировоззрения писателя и последовательность его философских построений. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Обозначить основные философские проблемы, разрабатывавшиеся Булгаковым на протяжении его творческого пути, и дать анализ предложенного им способа решения этих проблем.

2. Оценить степень влияния философских традиций на формирование ценностных и рационально-теоретических компонентов мировоззрения М. А. Булгакова.

3. Раскрыть эвристический потенциал философских взглядов Булгакова, вплетенных в ткань писательского творчества, и оценить возможности представления этих взглядов как цельной системы.

Источники исследования.

Взгляды М. А. Булгакова на собственное философское мировоззрение выражены во всем его творчестве: в художественных произведениях, в пьесах, письмах, дневниках и задокументированных разговорах. Большую роль играют изданные воспоминания его родственников, друзей и знакомых. Большинство документов, относящихся к творчеству М. А. Булгакова, сосре-

⁴Кузнецова Ю. В. М. А. Булгаков в пространстве мифологизированной советской культуры (Опыт культурологического анализа): Дис. ... канд. филос. наук. - Саранск, 2004. - 140 с.

⁵Петров В. Б. Художественная аксиология Михаила Булгакова: Дис. ... д-ра филологических наук. - Москва, 2003. - 406 с.

⁶Сидорова Е. Г. Социокультурный генезис художественных образов в творчестве М. А. Булгакова: Дис. ... канд. культурологических наук. - Санкт-Петербург, 2004. - 185 с.

⁷Ухова Е. В. Философско-этические идеи в творчестве М.А. Булгакова: Дис... канд. филос. наук. - Москва, 1999. - 152 с.

доточено в материалах фонда 562 отдела рукописей Российской Государственной библиотеки.

В качестве источников при написании настоящего диссертационного исследования были использованы следующие основные издания сочинений М. А. Булгакова:

1. Булгаков М. А. Собрание сочинений в пяти томах. М.: Художественная литература, 1989 – 1990.
2. Булгаков М. А. Собрание сочинений в восьми томах. СПб.: Азбука-классика, 2002.

Методологическая база диссертационного исследования основана на идее перерастания системного видения мировоззрения М. А. Булгакова в целостное. При этом мы отталкивались от принципа системности, применение которого обусловлено необходимостью нахождения логических связей между составными частями такого сложного и многогранного структурного образования, как мировоззрение М. А. Булгакова, а также установления, таким образом, внутренней целостности и качественной определенности мировоззрения. Данный принцип был использован также для приведения в систему отдельных результатов самого диссертационного исследования.

Диссертант применил не только исходные принципы, законы и категориальный аппарат диалектики, понимаемой как метод исследования отношения человека к миру, как общая теория их взаимоотношения, но и основные методологические начала истории философии как науки и важнейшие среди них:

- методы историко-философского анализа, ориентированные как на объективную полноту исследования, так и на его критический характер;
- компаративистика, т. е. сравнительный анализ основных мотивов и положений философского мировоззрения М. А. Булгакова и мыслителей прошлого и настоящего.

В диссертации использованы элементы психологического подхода, поскольку духовный мир личности, процессуальная сущность сознания и психики выступают у Булгакова центральными моментами исследования на протяжении всего его творчества. Здесь уместно вспомнить точку зрения В. В. Зеньковского, писавшего, что «задача историка не в том, ведь, заключается, чтобы реконструировать взгляды данного автора и придать им известную систематичность, а в том, чтобы уяснить те темы, которые преимущественно определяли творчество данного автора, и те интуиции или исходные построения, которые направляли это творчество»⁸.

Научная новизна диссертации заключается в исследовании ценностных и рационально-теоретических компонентов в мировоззрении М. А. Булгакова, и может быть конкретизирована в виде следующих положений, выносимых на защиту:

1. М. А. Булгаков, при всей его самобытности как писателя и мыслителя, во многом вышел из русской культуры конца XIX – начала XX века - той

⁸ Зеньковский В. В. История русской философии. В 2-х т. Т. 2. Ч. 2. Л., 1991. С. 232.

эпохи, которую часто характеризуют как «серебряный век» или «русский ренессанс». Идеи русской софиологии, тесно связанные с отечественным экзистенциализмом, были близки по базовым философским интуициям мировоззрению М. А. Булгакова.

2. Как философ М. А. Булгаков относится к экзистенциальным мыслителям, хотя сам экзистенциализм – достаточно условное обозначение, которое используется для типологической характеристики большого числа концепций. Все же в творчестве Булгакова затрагиваются вечные, философские проблемы, которые чаще всего относят именно к экзистенциалистским: Бог и проблема свободы человека наряду с загадками «обезбоженности» и Мирового Зла; понятие бытия, трактовка человека и его отношений с бытием; понимание сознания и конституирование значений опыта.

3. Главным объектом философского и художественного мышления М. А. Булгакова является человек, его бытие, полное взлетов и падений, страданий и разочарований. Вся художественная ткань и форма произведений писателя объединяется, охватывается **идеей человека**, образуя с ней единое «смысловое» целое. Центральными понятиями ценностно-ориентированной философской антропологии М. А. Булгакова выступают судьба и вера. Аксиологически философское мировоззрение М. А. Булгакова может быть представлено в виде перевернутого конуса, основанием которого служит точка – **человеческая индивидуальность**.

4. Для социально-политических позиций писателя на протяжении жизни были характерны большая пестрота и неоднородность (от левого радикализма до устойчивого консерватизма). Философия истории Булгакова, как и его мировоззрение в целом, была **пессимистичной**. Считая, что революция сломала естественный ход исторической эволюции России, да и мира в целом, Булгаков ждал от будущего мало светлого.

5. В произведениях М. А. Булгакова присутствует смысл или эйдос экзистенции. Его произведения можно представить как двусмысленное литературно-философское письмо. Один смысл воплощен в линейном письме как некотором физическом ряде событий мира, имеющем своим адресатом людей, находящихся в соответствующем узком времени-пространстве. Другой смысл заключен в экзистенциальном письме, помещающем читателя в предел бытия, в метафизику пространства и времени, в особую культуру восприятия мысли. Второе письмо, требующее для своего понимания особого чтения, в произведениях М. А. Булгакова является основным.

6. Важнейшей философской составляющей художественного метода писателя явилась **сопряженность рационального и иррационального**. Булгаков использовал экзистенции для создания в сюжетах своих произведений ситуаций абсурда. М. А. Булгаков представляет абсурд как бесконечную, не ограниченную никаким количеством имен, живую жизненную реальность, которая может быть персонифицирована в любых формах. Его абсурд – это всегда избыточная, исполненная самой себя реальность мира. Абсурд – это и одно из литературных средств воздействия на читателя с целью изменить его.

Булгаков показывает Безумие в экзистенциальном смысле – как общее состояние мира в период крушения ценностных и нравственных основ.

7. Мирозозидающим началом, гармонизирующим человеческие отношения и умиряющим хаос, видится Булгакову мировая культура, хранящая духовную культуру человечества и предотвращающая катастрофу нравственного обнищания.

Теоретическое и практическое значение. Результаты настоящего диссертационного исследования могут быть использованы в обобщающих трудах по проблемам истории российской философской мысли, а также при чтении общих лекционных курсов по истории русской философии, культуры и литературы и специальных курсов для студентов философских специальностей.

Апробация работы.

Материалы исследования докладывались и обсуждались на заседаниях Регионального отделения Российского философского общества в течение 2003 – 2007 гг., на Международной конференции «Иммануил Кант и философская мысль России: история и современность» (2004), на IV Российском философском конгрессе (Москва, 2005). Материалы диссертации были использованы при подготовке лекционного курса «История русского экзистенциализма», читаемого студентам Оренбургского государственного университета, обучающимся по специальности «Философия».

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, 3 глав, заключения (основной текст занимает 153 страницы) и библиографии, включающей 140 наименований литературы на русском, немецком и английском языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, освещается степень ее разработанности, определяются цель и задачи диссертационного исследования, указываются его источники, методологическая основа, формулируются новизна исследования, а также положения, раскрывающие теоретическую и практическую значимость работы и ее апробацию.

В **первой главе «Философия в структуре мировоззрения М. А. Булгакова»** анализируются проблемы соотношения философии и литературы и главные особенности философской составляющей мировоззрения М. А. Булгакова. В параграфе **1. 1. «Философия и литература как формы смыслообразования»** отмечается, что человек, его бытие, полное взлетов и падений, страданий и разочарований, является главным объектом философского и художественного мышления. Все содержание, логика, стилистика - вся художественная ткань, форма произведения объединяется, охватывается **«идеями человека»** (по терминологии М. М. Бахтина⁹), образуя с ней единое «смысловое» целое. Булгаков не обожествлял человека, он своим творчеством укреплял его родство с мировым целым. Глобальному отчуждению, голому утилитаризму, сухой иерархичности и бездушному рационализму писатель проти-

⁹ См.: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С 89-115.

вопоставил воистину дионисийское растворение личности в космической жизни. Как и большинство писателей, Булгакова трудно отнести к «чистым философам». Но, как это ни парадоксально, хотя Михаил Афанасьевич и не говорил о философии «профессионально», тем не менее, он свободно творил ее образами, созданными его фантазией. А. Ф. Лосев совершенно справедливо отмечает, что «не существует поэта без того или иного философского мировоззрения. Есть философия Пушкина, есть и философия Тургенева. Но как добраться до такой философии? Как ее формулировать?»¹⁰.

Чтобы «добраться» до философии писателя, нужно попытаться понять, насколько же причастна художественная литература к выработке той или иной идеи человека? Объединяющим началом философии и литературы является то, что они суть формы осмысления человеческого бытия. Философия и литература - это специфические, ставшие относительно самостоятельными **формы смыслообразующей деятельности**. Художественная литература может быть представлена как нетеоретическое философствование. Как нам представляется, такая форма философской работы связана не только с художественной образностью, элементы которой имеют место и в устном народном творчестве, но с особой организацией, системой этой образности, благодаря которой художественное произведение существует как целое. В реальной словесно-речевой практике, во всех ее типах имеет место и обратный процесс, когда слово-понятие в определенном контексте наполняется новым содержанием, обретает «внутреннюю форму» и переходит в слово-образ.

Среди многообразных средств, составляющих в совокупности художественную форму повествования, главную роль играет художественный образ. Будучи целостным образованием, единством воображаемого и предметно-чувственного бытия, художественный образ, в особенности литературный характер, наиболее концентрированно выражает идею человека и в то же время является наглядным, чувственно-конкретным применением идеи к действительности. Иными словами, выражаемая уже в обычной речи диалектика внешнего и внутреннего, объективного и субъективного, осознанного и бессознательного здесь, в словесном художественном творчестве, предстает как постоянное «высекание» идеи из столкновения реального бытия и бытия, которое стремится воссоздать художник (и воссоздает его) в соответствии с желаемым и должным, т. е. в соответствии с идеей. Но это и есть в самом широком смысле слова философская деятельность - философское мышление, осуществляемое на субстрате художественно-образного «сгущения мысли».

Любой текст содержит определенное или же безграничное потенциальное множество смыслов, которые постигаются людьми, привносящими в эти смыслы свое собственное «Я», характерные черты собственной культуры. Любое понимание текста осуществляется через его личностную интерпретацию, которая представляет собой адаптацию индивидуальных «Я» или культур друг к другу. Любая интерпретация – это поиск смысла сквозь призму собственного «Я». Задача философской интерпретации заключается в рас-

¹⁰ Лосев. А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М., 2000. С. 372.

шифровке символов данного текста посредством исследования, исходящего из сегодняшней социокультурной и пространственно-временной заданности. Именно поэтому философию часто называют самосознанием культуры. Культурно-историческая специфика философского мышления состоит именно в том, что в нем наиболее емко концентрируются главные силовые линии эпохи; пронизывая все пласты общественного сознания, они одновременно вбирают в себя плоды развития всех других сфер духовного освоения мира. Но интерпретировать текст любого мыслителя более или менее адекватно невозможно без обращения к философским особенностям его мировоззрения.

В параграфе **1. 2. «Философская специфика мировоззрения М. А. Булгакова»** отмечается, что типология мировоззрений может быть построена на самых разных основаниях. У русских философов (С. Л. Франк, П. А. Флоренский и др.) была популярна такая дефиниция: философия есть учение о цельном мировоззрении. В русской философии сильна платоническая и религиозная мировая философская традиция, где особое значение и эвристический потенциал обнаруживает нацеленная на универсальный синтез отечественная религиозно-философская мысль, восходящая к идеям ранних славянофилов, В. С. Соловьева и Ф. М. Достоевского.

Средством понятийного выражения философии как любви к мудрости выступает язык. В этом смысле философия изначально опирается на построение связной системы понятий. В центре философских размышлений лежит не формула как предельная и абстрактная форма человеческой мысли, а мудрое Слово. Философствование, стремление к мудрости – это бесконечный процесс поиска истины и твердых ценностных оснований личного бытия, который никогда не может приостановиться. Не овладение истиной, не возведение каких-то истин в догмы, а поиск истины. Именно в этом цель как философии, так и художественного творчества.

Уже с самого начала становления философии как особой формы человеческой культуры в ней явственно проявляется сочетание рационально-теоретических и ценностных компонентов. Человечество знает целую плеяду гениев, органично сочетавших философское умозрение и художественный дар (Данте, Петрарка, Ф. Бэкон, М. Монтень, И. В. Гёте, Ф. Ницше). Интересно то обстоятельство, что именно в отечественной философской традиции, всегда тяготевшей к греческой философии и особенно к ее сократической, «диалоговой» линии, число философствующих литераторов и склонных к занятиям литературой философов было особенно велико.

Русская литература, начиная с протопопы Аввакума, представляла собой загадку: чего в ней больше – философии или поэзии? Скажем, наш Пушкин – зарифмованная философия девятнадцатого века, обращенная в будущее; кодекс морали, прозрение и одновременно ретроспектива человеческой истории, преломленная через судьбу России. Не говоря уже о таких мастерах философской прозы, как великие Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский! Можно вспомнить о поэтах Г. Р. Державине, Ф. И. Тютчеве, Б. Л. Пастернаке. Само по себе относительно позднее рождение русской философии из духа ее всемирно значимой литературы во второй половине XIX века в чем-то схоже с

закономерностями зарождения и становления греческой философии. Гений Пушкина незримо витает над русской философией так же, как гений Гомера, духовно предвосхитивший и объяввший всю античность.

Для художественного метода М. А. Булгакова, являющегося органической и системообразующей частью его мировоззрения, характерен именно «диалогический способ искания истины»¹¹, столь часто встречающийся в русской философской традиции. Этот способ «абсолютного (то есть ничем не ограниченного) диалога»¹² он противопоставлял казенному монологизму официальной литературы. Булгаков вложил в уста доктора Полякова из раннего рассказа «Морфий» слова: «Одна теория стоит другой»¹³, которые потом повторит Воланд в сцене на балу, обращаясь к отрезанной голове Берлиоза («Все теории стоят одна другой»). Эти слова вписывались в конструируемый писателем мир, для которого было характерно отсутствие определенности, омертвевшей окончательности и застывших схем. Видимо, одной из особенностей мировоззрения М. А. Булгакова являлось непрекращающееся философское самоопределение этого талантливый писателя и мыслителя.

Булгаков творил в страшные годы послереволюционной жизни. Эта жизнь принимала разнообразные причудливые формы, в которых смешивалось высокое и низкое, трагическое и смешное, смысл и бессмыслица. Высокие идеи философии духа порой переводились на безграмотный и сумбурный язык улиц. Вся эта «странность» бытия не могла не отразиться как на ценностных, так и на рационально-теоретических компонентах мировоззрения М. А. Булгакова, представляющих собой его философские основания. Философские основания мировоззрения – комплекс предельно общих идей и убеждений, лежащих в основе личности. Это то, что позволяет идентифицировать личность на глобальном, мировоззренческом уровне.

М. А. Булгаков, как всякий крупный русский писатель, вошел в историю русской культуры как создатель образов, обогативших «концептосферу» русской мысли. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и социальным опытом человека. Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации. Концепт, в отличие от формы «схватывания» в понятии, которое связано с формами рассудка, является **производным возвышенного духа**. Последний способен творчески воспроизводить или собирать (conspire) смыслы и помыслы как универсальное, представляющее собой связь вещей и речей, и который включает в себя рассудок как свою часть. Концептосфера русского языка – это, в сущности, концептосфера русской культуры, фундаментом которой выступает русская литература, являющаяся, в то же время и преимущественной формой существования отечественной философии. Булгаков в своих произведениях создал определенную концептосферу, получившую широчайшее распространение в русской культуре XX века в целом и в русской философии в частности.

¹¹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 126.

¹² Там же. С. 195.

¹³ Булгаков М. А. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. М., 1989. С. 153.

Как и многие талантливые люди, М. А. Булгаков исходил из **идеи единства души и тела**. Если использовать терминологию А. Г. Спиркина, Булгаков верил в то, что человек – «совечно единое сущее», предстающий как существо космическое, биологическое, социальное и разумное. Духовное «Я» Булгакова выступает одновременно в трех своих основных формах: внешнего созерцания (устойчивая картина мира), внутреннего созерцания (ценностная оценка жизни) и мышления (целеполагающая идея). Проинтегрированный таким образом духовный мир, состоящий как бы из трех царств: действительности, ценности и смысла, - и может быть представлен как суть философского мировоззрения мыслителя, включающего ценностные и рационально-теоретические компоненты.

Исследователи творчества М. А. Булгакова отмечали, что его роман «Мастер и Маргарита» принадлежит к жанру так называемой мениппеи, названному по имени философа III века до н. э. Мениппа из Гадары. Думается, что большинство произведений М. А. Булгакова можно отнести к этому жанру. М. М. Бахтин, характеризуя мениппею, особо выделял такие ее особенности, как сочетание необузданной авторской фантазии с постановкой сложнейших мировоззренческих проблем. Он отмечал, что самая смелая авторская фантазия мотивируется «чисто идейно-философской целью – создавать исключительные ситуации для провоцирования и испытания философской идеи»¹⁴. В ходе этого творческого эксперимента художник нарушает общепринятый и считавшийся нормальным ход событий, создает целый ряд исключительных ситуаций, выпукло демонстрирующих существующие представления и провоцирующие на создание новых представлений и смыслов человеческой экзистенции. Думается, что все творчество М. А. Булгакова может быть понято как такой экзистенциальный эксперимент.

М. А. Булгаков использовал экзистенции для создания в сюжетах произведений ситуаций абсурда. Булгаков представляет абсурд как бесконечную, не ограниченную никаким количеством имен, живую жизненную реальность, которая может быть персонифицирована в любых формах. Абсурд Булгакова – это всегда избыточная, исполненная самой себя реальность мира. Абсурд – это и одно из литературных средств воздействия на читателя с целью изменить его. Булгаков смешивает в абсурде экзистенциальное и «опривыченное» мироотношение для разрушения сонливого человеческого существования. Писатель предлагает постоянное пребывание в пределе бытия, как в высшей и наиболее совершенной форме жизни.

Разнообразные исключительные ситуации описываются Булгаковым как череда всевозможных нелепых случаев, из которых складывается причудливая картина мира, наполненная произвольными сочетаниями фактов. Авторская картина мира – это причудливый булгаковский космос с продуманным иерархическим взаимоположением частей в рамках оппозиций: земная жизнь – потустороннее существование, смерть – бессмертие. Обоим полюсам в этих связках придана система сложно взаимодействующих симво-

¹⁴ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 193.

лов. И в этой мировоззренческой картине тесно переплетены рациональные, иррациональные и ценностные компоненты.

В главе второй «Философские основания мировоззрения М. А. Булгакова» раскрываются ценностные и рационально-теоретические компоненты в мировоззрении М. А. Булгакова. В параграфе 2. 1. «Ценностный ряд в мировоззрении М. А. Булгакова: сопряженность рационального и иррационального» отмечается, что Булгаков подверг художественному и философскому анализу разрушенную «среду обитания» и судьбы людей, вынужденных жить в переломную эпоху. В своем творчестве Булгаков выстроил своеобразный ценностный ряд, каждый элемент которого равноправен и важен для понимания особенностей его философского мировоззрения.

Вера писателя в гуманистические основы жизни часто воплощалась в теме дома - ведущем ценностном ориентире в его творчестве. Это видно в романе «Белая гвардия» и сделанной по его мотивам пьесе «Дни Турбиных». Новая реальность, по мнению Булгакова, разрушила Дом как пристанище, лишив убежища человека, оказавшегося в ситуации экзистенциальной заброшенности. Наряду с Домом экзистенциальным убежищем для Булгакова и его героев выступает Книга как уникальная ценностная составляющая булгаковского художественного мира. «Лучшие на свете шкапы с книгами» описывает Булгаков в различных своих произведениях. И в качестве неперемennого условия для восстановления нормальной, человеческой жизни в России Булгаков полагал именно книги.

Так как целостное и глобальное искажение привычных жизненных ценностей, казавшихся незыблемыми для культурного русского человека начала XX века, воспринималось Булгаковым как неизбежное, перманентное состояние современности, то важнейшей философской составляющей его художественного метода явилась **сопряженность рационального и иррационального**. Именно эта сопряженность позволяет рельефнее выявить ценностные и рационально-теоретические компоненты в мировоззрении писателя.

Булгаков показывает закономерное и логичное сквозь призму хаотичного и алогичного. Он говорит о мистике современности, представив изображаемую им абсурдную действительность в качестве результата действий inferнальных сил. Принцип социальной детерминированности, характерный для социалистического реализма, писатель заменяет принципом относительности, неким законом Хаоса, который смешивает разнородные свойства и явления в пестрый клубок, не поддающийся разумному изучению. Именно алогичное и сумбурное бытие аннигилирует поведенческие нормы. Прежняя этика рушится, а новая еще не возникла. Революция страшным образом деформировала природу человека, в том числе поменяла и социальные роли. Борьба за мифические идеи уничтожала в человеке человеческое. Это – крах старой системы ценностей. Такова неутешительная мысль Булгакова.

Мирозозидающим началом, гармонизирующим человеческие отношения и умиряющим хаос, видится Булгакову **мировая культура**, хранящая духовную культуру человечества и предотвращающая катастрофу нравственного обнищания. И именно из кладовых мировой культуры Булгаков бе-

рет вечный **образ ребенка** как символ предела, поставленного разрушению и насилию, как вечную и непреходящую ценность. В «Белой гвардии» в описание погруженного в революционный хаос заснеженного города писатель вставляет эпизод купания ребенка. Простая и вечная мудрость жизни, непреходящие ее ценности берут у Булгакова верх над ложной патетикой и безумием революции.

Булгаков анализирует Хаос, в который ввергло человека непредсказуемое развитие социума. К осуществлению этой задачи были направлены и философская полемичность, и строгий историзм как рационально-теоретическая черта булгаковского метода. Картины Хаоса, нарисованные Булгаковым, и его размышления по этому поводу напоминают страницы экзистенциальной философской прозы. С помощью фантастических приемов Булгаков выходит к философским обобщениям, развивая мотивы «конца света». Эсхатологическая модель мира часто предстает перед глазами читателей на страницах его произведений. Булгаков показывает Безумие в экзистенциальном смысле – как общее состояние мира в период крушения ценностных и нравственных основ. Безумие показывается Булгаковым чаще всего через изображение самого страшного преступления – убийства человека. Булгаков в своих произведениях проводит читателя через ряд страшных и отвратительных картин, тщательно выписывая патологически жестокие убийства, показывая предельную степень «расчеловечивания». Ряд таких убийств формирует в художественном мире и мировоззренческой структуре писателя чрезвычайно важный для его гуманистической концепции метасмысл, философская суть которого базируется на **утверждении высшей ценности человеческой жизни** и цены пролитой крови, а также вины и ответственности.

Булгаковская концепция мира и человека базировалась на представлении о многовариантности и многоверсионности бытия, включая Его Величество Случай в систему общефилософских мотивировок происходящего. Огромное количество мистических явлений, роковых случаев, вещей предсказаний ставит под сомнение и разрушает систему категорического детерминизма как общего учения о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений и процессов реальности.

Булгаков искал в своем творчестве те гармонизирующие начала, которые смогут преодолеть Хаос. И в этих поисках он выходит за пределы собственно этических в область глобальных философских проблем. Булгаков не обожествлял человека, как это было свойственно некоторым русским мыслителям, но он искал родство человека с мировым целым. Он противопоставлял чистому утилитаризму, холодной иерархичности и социальному рационализму современности дионисийское растворение личности в космической жизни. Булгаков в своем творчестве подключает план **Вечности**, который фигурирует в его художественно-философской системе как важный компонент трактовки человека. Человек, принадлежа человеческому роду, то есть Вечности, принадлежит самому себе. Булгаков мыслит «очеловеченную» Вечность, рассматриваемую сквозь призму аксиологии. Символические образы планетарного масштаба (звезды, тьма, солнце) у Булгакова выступают

безусловными атрибутами бытия. Именно от них, от этих вечных образов человеческой мифологии и культуры, Булгаков обращается к живым, подлинно человеческим знакам Вечности в земной скоротечной жизни.

В параграфе **2. 2. «Добро и зло как ценностные представления в творчестве М. А. Булгакова»** анализируются добро и зло как ценностные универсалии. Дается краткий историко-философский обзор. Для Булгакова как мыслителя наиболее показательны раздумья над ролью Добра и Зла в мироздании. С этими раздумьями были тесно связаны размышления над проблемами веры и судьбы, а также представления писателя о соотношении добра и зла в человеческой истории. Чаще всего Булгаков показывает Добро через Зло. Описывая Зло, он дает возможность глубже понять Добро. Представления Булгакова о Добре и Зле менялись в процессе его творческой судьбы. Менялись они и во время работы над романом «Мастер и Маргарита». Первоначально он, как известно, хотел написать «роман о дьяволе», фантастическую сатиру на советскую действительность. И лишь в процессе работы над романом сатирическое разоблачение уступило место всечеловеческой трагедии. Булгаков осознал в полной мере, что социальное зло – лишь тончайшая пленка на поверхности зла бытийного. Булгаков протестовал не только против социального настоящего, но и против индивидуального вечного. Поэтому его герои – не столько социальные типы, но архетипы, извлеченные из глубин собственной души их творца.

Булгаков в «Мастере и Маргарите» во многом воспринял дуализм древних религий, где добрые и злые божества являются равноправными объектами поклонения. Один из гонителей Мастера неслучайно назван Аримановым – носителем злого начала, по имени зороастрийского божества. Но Воланд выполняет поручение, даже, скорее, просьбу Иешуа забрать к себе Мастера и Маргариту. Высокий этический идеал Иешуа можно сохранить только в надмирности, а в земной жизни гениального Мастера от гибели могут спасти только сатана и его свита, этим идеалом в своих действиях не связанные. Человек творческий, каким является Мастер (подобно гётевскому Фаусту), всегда принадлежит не только Богу, но и дьяволу.

В параграфе анализируется влияние «Фауста» Гёте на ценностные представления М. А. Булгакова о добре и зле. Само имя Воланд взято Булгаковым из великого творения Гёте. Воланд чрезвычайно похож на Мефистофеля, но все же имеются существенные отличия. Гёте пришел в своей трагедии к убеждению, что Добро и Зло – абсолютно равные, но противоположные друг другу силы. Для Булгакова Зло все же подчиняется Добру. Но с течением времени мировоззрение Булгакова станет совершенно пессимистичным, и он станет признавать зло как ведущую и главенствующую силу в мироздании.

Воланд зачастую выступает в качестве alter ego самого Булгакова, ибо он создает «исключительные ситуации для провоцирования и испытания философской идеи – слова правды, воплощенной в образе мудреца, искателя

этой правды»¹⁵. В столице новой России Воланду интересно, «изменились ли эти горожане внутренне». Поэтому он и прибыл в сталинскую Москву. Показывая эксперимент в Варьете, Булгаков начинает сопрягать сатирический гротеск с философской иронией.

Воланд в романе Булгакова предстает, как и Мефистофель у Гёте, «отцом сомнений и помех». Сомнение в любой ценности – вещь, в сущности, позитивная. В любой ценности есть негативные моменты, хотя они и пребывают порой в латентном, потенциальном состоянии. Поэтому воландовское отрицание необходимо, так как не позволяет ту или иную сущностную силу человека превращать в Абсолют. Воланд и его подручные часто ставят над людьми своеобразные аксиологические эксперименты. Фактически над всем последним романом Булгакова витает дух сомнения, ибо автор увидел в жизни и запечатлел на бумаге дьявольскую фантазмагорию, в которую превратилась жизнь людей, самонадеянно возомнивших, что человек «сам управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле».

В параграфе 2. 3. «Понятия веры и судьбы в человековедении М. А. Булгакова» отмечается, что писатель в своих размышлениях о добре и зле как ценностных универсалиях неизбежно рассматривал проблемы судьбы и веры, превращая их в основополагающие теоретические понятия своего ценностно-ориентированного человековедения. На протяжении всего творчества М. А. Булгакова, в особенности в романе «Мастер и Маргарита», центральным из «последних» философских вопросов является вопрос о вере и безверии, тесным образом связанный с проблемой судьбы. Спор на Патриарших прудах, играя роль своеобразного концептуального пролога к содержанию романа, своей диалогической сутью не только диктует логику поступательного развития действия, но и словно выводит вовне, подает крупно укорененную во всем творчестве писателя **нравственно-философскую меру**, с которой Булгаков подходит к изображению хаоса исторической и бытовой реальности общества, не верящего ни в Бога, ни в Дьявола.

Аксиологически философское мировоззрение М. А. Булгакова может быть представлено в виде перевернутого конуса, основанием которого служит точка – **человеческая индивидуальность**. И именно наличие этого основания обуславливает обезоруживающую простоту булгаковской философии, которая зачастую опрокидывает абсолюты высоких материй. На глобальный взыскующий вопрос Пилата, остающийся в Евангелиях без ответа, в романе Булгакова следует спокойный, удивляющий своей неожиданностью ответ Иешуа: «Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова...»¹⁶

Такой нарочито обыденный и приземленный **антропоцентризм** значительным образом **ценностно ориентирует образ мира** в творчестве М. А. Булгакова. Подлинно человеческие отношения понимаются им как истина, которая соответствует основам природного мироустройства, но отвергается несправедливым социальным строем.

¹⁵ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 152.

¹⁶ Булгаков М. А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 5. Мастер и Маргарита. СПб., 2002. С. 118.

Диссертант доказывает, что М. А. Булгаков был верующим человеком. Этико-теологическая концепция Булгакова помещается между ледяным критицизмом атеистов и ортодоксальным христианством. Философские, религиозные и художественные идеи Булгакова идут к потомкам через созданные им образы, а не через богословские догматы и силлогизмы. Булгаков мастерски описал мистические случаи общения человека с Абсолютом, посредством которых он мифологизировал изображаемое. Булгаков мифологизирует происходящее, показывая магическую власть Слова, вырывающуюся «за скудные пределы естества». Для объяснения глубинной сути подобных таинственных случаев в творчестве Булгакова бесполезны выводы некоторых исследователей, выдвигающих гипотезу о влиянии на булгаковское мировоззрение философии гностиков, утверждавших веру в беспредельное могущество Слова. Общим свойством гностических учений является их синкретический характер. Гностические мотивы встречаются и в ряде разнообразных религиозно-философских учений Нового времени (розенкрейцерство, теософия, антропософия, софиология и т. д.).

Диссертант пытается ответить на вопрос: верил ли Булгаков в судьбу? Чем для него являлось само это понятие? В параграфе анализируются представления о судьбе в мифологии и в иррационалистических философских системах. Происходящие в произведениях М. А. Булгакова события выстраиваются в оригинальную картину мира и души человеческой и начинают служить фоном для создания автором специфической философско-антропологической и аксиологической концепции. В гротескных фантастических событиях приоткрываются глубинная логика и подлинная справедливость мироздания, выявляется авторская картина мира.

Философское решение проблем в романе тесно переплетается с решением поэтическим, образным. Сверхъестественная реальность в произведениях М. А. Булгакова являет собой царство строгого детерминизма. Здесь царствует логика – но отнюдь не повседневная логика неточных интерпретаций, но высшая логика, обусловленная Высшей силой. Здесь не остается места для бессознательных допущений, неявных идеализаций, неосознанных предпосылок – для всего того, на чем базируется повседневная человеческая жизнь. Именно временность, то есть конечность человеческого существования есть основа его историчности, в которой имеет свой базис фактическая, эмпирическая история. Время воплощается в конкретной истории. Добро и зло как высшие ценности борются между собой в конкретной истории. Поэтому в **параграфе 2. 4. «Философия истории в мировоззрении М. А. Булгакова»** рассматриваются философско-исторические взгляды Булгакова, которые вплетены в ткань самых разных его произведений. Это и «Белая гвардия», и «Бег», и рассказы 20-х годов о Гражданской войне, - произведения, в которых писатель средствами художественного анализа пытался найти ответ на мучавшие его и людей его круга вопросы: почему «рыцари белых риз» потерпели поражение, и судьбами России распоряжаются отныне совершенно другие люди? Философские раздумья о закономерностях и противоречиях русской истории содержатся и в фантастических произведениях

М. А. Булгакова, таких как «Мастер и Маргарита», «Иван Васильевич», «Адам и Ева», «Багровый остров».

Булгаков прекрасно понимал, что победа большевиков в Гражданской войне отнюдь не была predetermined. Писатель показал свой историзм в «Белой гвардии» в полной мере. Анализ складывающихся на Украине в 1918 году политических ситуаций дан в романе с проникательностью и исчерпывающей точностью, какой не обладают порой современные научные исследования.

Булгаков ясно увидел и запечатлел всю хаотичность и бессмысленность политической жизни. Его политические взгляды базировались на такой примерной схеме: сильное государство, «просвещенное самодержавие», ответственное православие, равноправие народов при главенстве русского народа как государствообразующего, взаимовыгодное сотрудничество с Европой.

Одна из самых болевых и главных тем булгаковского творчества связана с уничтожающим **наступлением Истории на человека**. Прибегая к помощи условной образности, Булгаков создает **экзистенциальную ситуацию разрушенности мира** и окончательной потерянности человека в нем. Историю войн и потрясений в Отечестве Булгаков воспринимал через призму судьбы отдельного русского человека.

В своем понимании исторического процесса и его законов Булгаков был сторонником эволюции, постепенного преобразования общественного строя, а вместе с ним и Человека, на разумных и добрых началах. В своем «Письме к Правительству» от 28 марта 1930 года М. А. Булгаков писал о своем «глубоком скептицизме в отношении революционного процесса», называя себя приверженцем «излюбленной и Великой Эволюции». Стремления человечества создать любыми средствами рай на земле могут превратить эту землю в ад.

Так же губительны, по мнению Булгакова, человеческие попытки любой ценой проникнуть во все тайны мироздания, сорвать покров со всех без исключения тайн, знание которых может оказаться губительным для самого существования человечества. Здесь Булгаков, как и многие фантасты прошлого и современности, предупреждает людей – и, прежде всего, ученых – об их громадной ответственности за судьбы мира и человеческой цивилизации. Заметим, что само возникновение катаклизмов, катастроф, а порой и сверхъестественных явлений имеют своими причинами чаще всего безудержное любопытство или честолюбивые устремления ученых мужей (тех же профессоров Преображенского или Персикова). А стремление человека обрести власть над временем, свободно перемещаясь в нем или ускоряя его ход, приводит к потрясающим, но не всегда благостным результатам.

Власть и народ, проблема их взаимоотношений в отечественной истории всегда интересовала Булгакова. Булгаков предчувствовал, что грандиозная фигура Сталина оставит страшный рубец в истории страны. Понимал он и то, что Сталин во многом возрождает имперские традиции старой российской государственности. Булгакову не могло не imponировать, что именно при Сталине, после безвременья революционных лет, когда история Отечест-

ва предавалась забвению и поруганию, начали издаваться труды по русской истории, стали снимать фильмы и ставить спектакли, повествующие о прошлом нашей страны. В определенной мере Булгакова привлекало в Сталине и то, что он как бы стал выразителем исторического возмездия, палачом палачей, который положил конец их мечтам о «красных колесницах мировой революции».

М. А. Булгаков утверждал в своей ценностной и рационально-теоретической концепции мира противостояние и одновременно теснейшую взаимосвязь, взаимопроникновение житейского и бытийного, преходящего и вечного. Писатель в своих произведениях заставляет карнавализованную частную и историческую жизнь современного общества вступить в диалог с предельно универсальной бытийной сферой. В связи с бытийной сферой становится актуальной в философском смысле идея карнавала как вечное и бесконечное возрождение и преображение в истории.

Если рассматривать произведения Булгакова в совокупности, в том числе и его историческую фантастику, становится ясно, что писатель обладал собственной философией истории, которая, хотя и не будучи системно разработанной, тем не менее, охватывает рационально-теоретическую и ценностную проблематику исторического процесса – такие, как смысл и назначение истории, специфика исторического процесса, соотношение истории и природы, свободы и необходимости в историческом творчестве, роль личности в истории. Философия истории Булгакова, как и его мировоззрение в целом, была **пессимистичной**. Считая, что революция сломала естественный ход исторической эволюции России, да и мира в целом, Булгаков ждал от будущего мало светлого. Думается, что именно этим его мировоззрение близко и понятно современным русским интеллектуалам.

В главе третьей **«Влияние философских традиций на ценностные и рационально-теоретические компоненты мировоззрения М. А. Булгакова»** представлены наиболее существенные параллели, важные для исследователя, занимающегося выявлением философских оснований мировоззрения М. А. Булгакова. Отечественная и мировая литературная традиция у Булгакова были тесно переплетены с освоением философской мысли. Философскими источниками творчества М. А. Булгакова называли труды И. Канта, В. Соловьева, С. Кьеркегора. Будучи сам генератором идей, М. А. Булгаков никогда не отрицал того огромного влияния, которое оказывали на его литературное творчество гениальные предшественники и современники.

В параграфе **3. 1. «Кант и Булгаков»** рассматривается влияние великого философа на роман «Мастер и Маргарита». Разговор на Патриарших прудах является завязкой философского конфликта, под сенью которого протекает все действие романа. Знаменитая вопрошающая реплика Воланда «... ежели Бога нет, то, спрашивается, кто управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?» и ответ Берлиоза «сам человек и управляет» напоминают о третьей и четвертой антиномиях чистого разума – о существовании Бога и свободе воли. Сочетание разговора на Патриарших прудах со сценой допроса Иешуа являет собой художественное воплощение хри-

стианского представления об отношении добра и зла в человеке в том виде, в каком это соотношение представил Иммануил Кант. Он писал: «... два противоположных друг другу, как небо и ад, принципа в человеке, представленные как личности вне его, не только пробуют свои силы друг против друга, но стремятся (один как обвинитель, а другой как защитник человека) доказать, словно перед высшим судьей, законность своих притязаний...¹⁷» Собственно, именно это положение Булгаков и демонстрирует в романе: человек и в древнем Ершалаиме (Понтий Пилат), и на Патриарших прудах в XX веке (Иван Бездомный) оказывается перед лицом одного из принципов, воплощенных «как личность вне его» в Воланде и Иешуа.

Из других произведений Канта наиболее тесные параллели в тексте «Мастера и Маргариты» можно найти с трактатом «Конец всего сущего». Булгаков не столь оптимистически, как великий философ, смотрел на нравственный прогресс человечества в настоящем и будущем, констатируя, что со времени возникновения христианства мало что изменилось к лучшему. И чудеса, демонстрируемые доверчивым зрителям Коровьевым-Фаготом, не оставляют после себя следа и впоследствии списываются на силу гипнотического внушения, в соответствии с мыслью Канта: «Разве там, где воображение возбуждено непрерывным ожиданием, будет недостаток в знаменьях и в чудесах?»

Булгаков не верил в кантовского «мудрого правителя мира», при котором нравственные качества человечества в итоге переселят стремление к удовлетворению все возрастающих потребностей. Человек, утверждает Кант, «по природе зол». Наверное, неслучайно, Воланд был именно у Канта «за завтраком». В человеке, по Канту, заключена неизбывная склонность творить зло, которая выглядит как приобретённая, будучи, однако, изначально ему присущей. Вместе с тем человек обладает зачатками добра. Задатки добра как способность уважать и исполнять моральный закон, по мысли Канта, «изначальны, так как требуются для возможности человеческой природы»¹⁸. Проблема заключается в том, чтобы добрые задатки одержали победу в борьбе с человеческой склонностью к злему началу. Такая победа возможна только как «революция» в образе мыслей и чувств человека.

Не думается, что Булгаков полностью разделял кантовские взгляды на человека. Писатель видел человека разрываемым трагическим «троемирием»: в каждом живёт «низкое» (плотское, земное, мрачное, злое), «середина» (соответствующее системе, разумное) и «верх» (истина, духовность, свет). «Низ», генерирующий низменные страсти, страх, трусость, лень, зависть, - сила колоссальная и неисчерпаемая, ибо она берёт начало в бездне мироздания, в пучинах подсознания и инстинктов. Вот почему многими героями «Мастера и Маргариты» следование низким инстинктам, существование в стихии вседозволенности мнится единственно возможным, ибо является наиболее лёгким.

¹⁷ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 148.

¹⁸ Там же. С. 98.

В своё время Кант писал, что «...нравственное высшее благо не может быть осуществлено исключительно посредством стремления одного человека к его собственному моральному совершенству»¹⁹, вслед за ним и Булгаков отмечает, что истинное решение многих проблем возможно только в твёрдости духа всех современников.

В параграфе 3. 2. «М. А. Булгаков и русская философия» доказыва-ется, что М. А. Булгаков, при всей его самобытности как писателя и мыслителя, во многом вышел из русской культуры конца XIX – начала XX века, той эпохи, которую часто характеризуют как «серебряный век» или «русский ренессанс». Это было время пробуждения в России самостоятельной философской мысли, взаимного влияния литературы и философии.

В рамках этой работы невозможно в полной мере осветить все аспекты влияния творчества русских философов на ценностные и рационально-теоретические компоненты мировоззрения М. А. Булгакова. Поэтому диссертантом были рассмотрены лишь три персоналии: С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский и Л. Шестов. **Сергей Николаевич Булгаков** (1871 – 1944) писал: «Отдельный человеческий индивид есть не только самозамкнутый микрокосмос, но и часть целого, именно он входит в состав мистического человеческого организма. Каждая человеческая личность, имея для-себя-бытие, является своим органическим центром; но она же и не имеет самостоятельного бытия, свой центр находя вне себя, в целом»²⁰. У Михаила Булгакова в «Мастере и Маргарите» таким Божественным Абсолютом становится Иешуа Га-Ноцри со своей этической проповедью Абсолютного Добра.

Мыслительный вектор этих двух русских интеллектуалов-однофамильцев во многом совпадал. Новую Россию они категорически не принимали. С. Н. Булгаков выразился в своем труде «На пиру богов», что «"товарищи" кажутся мне иногда существами, вовсе лишенными духа и обладающими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян – homo socialisticus»». Эти резкие слова, разумеется, перекликаются с магистральной идеей великой повести «Собачье сердце». Нож хирурга Преображенского создал гибрид пролетария Клима Чугункина и «милейшего пса» Шарика. В итоге возник Полиграф Полиграфович Шариков, прекрасно вписывающийся в сумбурную реальность новой России.

Интересно и многогранно влияние на мировоззрение М. А. Булгакова и фигуры «русского Леонардо» - **Павла Александровича Флоренского** (1882 – 1937). Философское творчество этого талантливого человека было чрезвычайно близко и родственно художественной литературе. Михаил Булгаков живо интересовался творчеством Флоренского и его философским делом. В архиве писателя сохранилась книга Флоренского «Мнимости в геометрии» с многочисленными пометками. Влияние идей Флоренского ощутимо в романе «Мастер и Маргарита». Рассматривая архитектонику «Мастера и Маргари-

¹⁹ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 104.

²⁰ Там же. С. 249.

ты», исследователи называют три основных мира романа: древний ершалаимский, вечный потусторонний и современный московский. Эти три мира можно поставить в контекст учения Флоренского о троичности как первооснове бытия, развиваемого в «Столпе и утверждении Истины». Философ говорил о числе «три», как имманентном Истине, как внутренне неотделимом от нее. Думается, что в «Мастере и Маргарите» отразилась и цветовая символика, принятая в католической церкви и приведенная Флоренским в «Столпе и утверждении Истины».

Исследователи отмечают, что в творчестве **Льва Шестова** (1866 – 1938), сфокусированном на проблеме трагизма человеческого существования, обусловленного неизбежностью смерти, страданиями, произволом случая, предвосхищены и развиты основные идеи **экзистенциализма**. Сам Михаил Булгаков, в отличие от Шестова, чистым мистиком не был. Но, судя по тому, какая судьба постигла в «Мастере и Маргарите» «голого» рационалиста Берлиоза, писателю была близка сама мысль Шестова об ограниченности возможностей человеческого познания и предвидения.

Наибольшие параллели в творчестве М. А. Булгакова с литературным и философским творчеством Шестова обнаруживаются в произведении «Власть ключей». Свою книгу Шестов строит на противопоставлении судьбы и разума. Он стремится доказать невозможность охвата живого многообразия жизни одним только рациональным мышлением. На примере Берлиоза Сатана демонстрировал бессилие разума перед судьбой, и в этом Булгаков следовал Шестову.

Шестов пишет о высшем, сверхъестественном свете Божественного Откровения. Свет этот доступен лишь для принявших это Откровение. Этот свет, ниспадающий с Божьих высот, нужно отличать от низшего, естественного света, света разума, выше которого не поднимутся те, кто все надежды возлагают только на рациональное познание действительности. В лучах этого низшего лунного света и являются во сне ставшие бессмертными Маргарита и Мастер скорбному разумом Ивану Поньреву.

По мнению Шестова, Божий промысел может влиять не только на настоящее и будущее, но и на прошлое, например, сделать так, чтобы Сократу не пришлось пить чашу с ядом. Как и Шестов, Понтий Пилат у Булгакова искренне верит в силу Бога сделать так, чтобы случившейся по вине прокуратора казни не было. За это он, в конце концов, награждается светом Божественного Откровения.

Рассмотренные в параграфе воззрения русских философов позволяют причислить их к мощному течению русской софиологии. Идеи русской софиологии, тесно связанные с отечественным экзистенциализмом, были близки по базовым философским интуициям мировоззрению М. А. Булгакова. Близки эти идеи и по сей день тем, кто искренне озабочен судьбой нашей Родины. В параграфе приведены основные особенности русской софиологии как фундаментальной онтологической модели.

В Заключении формулируются основные выводы диссертационного исследования.

Принципиальные положения диссертации получили отражение в следующих публикациях, общим объемом более 14 п. л.:

Статьи, опубликованные в ведущем рецензируемом научном журнале, определенном ВАК:

1. Рациональное и иррациональное в философском мировоззрении М.А. Булгакова // Вестник ОГУ, № 2, 2007. – Оренбург: Издательство ГОУ ОГУ, 2007. С. 47-53, 0,6 п.л.

2. М. А. Булгаков и русская философия // Вестник ОГУ, № 7, 2007. – Оренбург: Издательство ГОУ ОГУ, 2007. С. 30-37, 0,7 п.л.

3. **Монография:** Южанинова Е.Р. Философские взгляды Михаила Булгакова. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. – 173 с.

Другие статьи и тезисы:

4. Проблема «самостояния» человека в переломную эпоху в творчестве М.А. Булгакова // Страсть к любомудрию: Сборник научных статей. – Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. С. 99-107.

5. К вопросу о философских основаниях мировоззрения М.А. Булгакова // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса: В 5 т. Т. 2. – М.: Современные тетради, 2005. С. 358-359.

6. Кантовские реминисценции в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Иммануил Кант и философская мысль России: история и современность: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. С. 202-207.